

Таким образом, чтобы сохранить лицо императорской семьи и избежать пересудов, император, скорее всего, найдет повод, чтобы «казнить» семью Гу.

Лин Минь вышел, опустив голову, чувствуя себя совершенно разбитым.

Навстречу ему в мелком дожде стоял Му Цинфэн. Лин Минь посмотрел на него, губы его дрогнули, но ни слова не вырвалось.

Уже подошло время, когда Ли Чжишань должен был сделать ему иглоукалывание, и он молча сел в повозку.

Мелкий дождь струился по ночному небу, серебряные капли сверкали.

Му Цинфэн стоял под окном долгое время, полностью промокнув. Каждое слово Гу Шаобая попало ему в уши, и грудь его наполнилась радостью. В голове крутилась одна мысль: он сказал, что не ненавидит его, он сказал, что любит его.

Ему так хотелось сразу же вбежать внутрь, обнять его, поцеловать, сказать, чтобы тот не волновался, верил ему, что он все уладит, уведет его с собой, чтобы быть вместе всю жизнь.

Но пока он не мог. Ему нужно было разгадать загадку дела о фальшивых лекарствах, понять заговор Ван Сыдао, помочь императору избавиться от этой самой большой опухоли, появившейся с момента его восшествия на престол. Только так он мог оправдать доверие императора и спокойно уйти.

Он пролил кровь, чтобы усмирить четыре моря, поддержать мудрого правителя и укрепить государство. Разве он, великий муж, славящийся в истории, пожалеет титул князя?

Пол был усеян бумажными комками, похожими на снежки.

Гу Шаобай скомкал только что написанный лист и бросил его на пол. Откинувшись на спинку стула, он немного отдохнул, выпил чашку чая и, когда боль в запястье немного утихла, снова взял кисть.

Услышав шум двери, он поднял глаза, но, не выразив никаких эмоций, продолжил бороться с кистью.

Му Цинфэн сменил одежду на сухую, на волосах еще оставались капли воды.

Гу Шаобай услышал тихий шорох и заметил, что Му Цинфэн растирает для него тушь. Князь, растирающий тушь. Гу Шаобай почувствовал себя неловко.

Он хотел игнорировать его, но такой «воздух» был слишком навязчив.

Скомкав бумагу и бросив кисть, он раздраженно произнес:

— Хватит, я больше не пишу.

Му Цинфэн не рассердился. Отложив палочку туши, он подошел к нему, взял его правую руку и провел пальцем по неровным, слегка уродливым розовым шрамам:

— Со временем всё заживет, не торопись.

Гу Шаобай отдернул руку. Его лицо, погруженное в тень от свечи, было спокойным, как вода.

Длинные черные ресницы отбрасывали полукруглые тени на веки, а лицо, освещенное светом, размывало черты, создавая ощущение хрупкой печали.

Его пальцы были мягкими и холодными, как ветви ивы, скользящие по воде в мелком дожде.

Му Цинфэн достал из шкафа куртку и накинул ему на плечи, словно спрашивая его мнение:

— Осенние ночи холодные, завтра я попрошу дядю Пина растопить печь.

Гу Шаобай молчал. И когда Му Цинфэн уже подумал, что тот не ответит, он услышал его спокойный голос:

— Как долго ты собираешься держать меня здесь? Даже если отца и второго брата нет, моё долгое отсутствие обеспокоит Миньюэ, он обязательно сообщит третьему дяде... Дом Гу и так переживает трудные времена, я не хочу добавлять проблем.

Прошло некоторое время, но Му Цинфэн так и не ответил ни словом.

Гу Шаобай понял, что это был напрасный вопрос, встал и вернулся на кровать.

Перелистывая несколько страниц книги, он заметил, что Му Цинфэн подошел. Он уже хотел прогнать его, но увидел, что тот держит маленький ключ. С щелчком замок на цепи открылся.

Гу Шаобай смотрел на него, не веря своим глазам.

Сняв цепь, он увидел синяк и припухлость на лодыжке, которая на фоне белой кожи выглядела так, будто нога сильно пострадала.

Му Цинфэн достал из ящика стола коробочку с мазью для рассасывания синяков. Это было то, что осталось после лечения следов на его шее. Неизвестно, что было в составе, но мазь действовала быстро, и на следующий день опухоль исчезала.

Гу Шаобай держал книгу, но его взгляд следил за пальцами Му Цинфэна. Прохладное ощущение на коже почему-то вызывало в нем жалость.

Он хотел дать себе пощечину. Ненавидел его до зубовного скрежета, но из-за такого, казалось бы, нежного жеста сердце смягчилось.

Проклиная себя, Гу Шаобай подумал: «Ты просто ничтожество».

— Ты собираешься отпустить меня? — спросил он.

— Угу, — Му Цинфэн не посмотрел на него, его пальцы водили круги по ране. — Сегодня уже поздно, завтра утром дядя Пин отвезет тебя домой.

Его спокойствие заставило Гу Шаобая почувствовать себя беспокойно. Непонятно, что с ним случилось — то ли он сошел с ума, то ли, наоборот, пришел в себя.

Перед уходом Му Цинфэн погасил свечу. Осенние ночи были холодными, и он, боясь, что Гу Шаобай замерзнет, добавил ему тонкое одеяло.

Третий молодой господин Гу свернулся калачиком под толстым одеялом. В дождливую ночь без луны он слышал, как шаги Му Цинфэна удаляются, но не видел, как тот уходит. Интуитивно он чувствовал, что тот выглядел одиноким.

Он пожалел, что отказал ему. Было много способов сделать это, возможно, он перегнул палку?

На следующий день Гу Шаобай проснулся, когда солнце уже было высоко.

Чжоу Юань уже приготовил горячую воду и ждал за дверью. Услышав шум в комнате, он вошел.

Гу Шаобай слегка покраснел. Простые люди вставали с рассветом, студенты читали при свечах, а он любил поесть и поспать. У себя дома это было нормально, Миньюэ и Цююэ уже привыкли, но здесь, в чужом доме, он чувствовал себя неловко.

К счастью, Чжоу Юань не смотрел на него с осуждением.

Умывшись и позавтракав ближе к обеду, он услышал, что Чжоу Пин сообщил о готовности повозки к отправлению.

Подержав паузу, Гу Шаобай все же спросил о местонахождении Му Цинфэна. Чжоу Пин ответил, что князь еще не вернулся с утреннего приема и неизвестно, где он находится. С чувством потери Гу Шаобай сел в повозку.

На самом деле, даже если бы они встретились, он не знал, что сказать. Лучше не встречаться, чтобы избежать неловкости. Но в глубине души он все же хотел увидеть его.

Дело Гэ Чуньхуэя было рассмотрено Палатой Дали и передано в Министерство наказаний.

Его преступления заключались не только в казнокрадстве и сговоре с бандитами, но подозреваемый упорно молчал, и других доказательств не было. Никто ничего не мог сделать.

Му Цинфэн выяснил, что семья Гэ Чуньхуэя исчезла несколько лет назад. Вероятно, он, предчувствуя такой исход, заранее спрятал жену и детей, или же вся семья находилась в руках Ван Сыдао, что заставляло его молчать.

Чтобы выяснить, какой из вариантов верен, нужно было отправить людей на подробное расследование, но это было небystрое дело.

Император лично утвердил приговор — казнь осенью. Это была первая казнь чиновника выше третьего ранга с момента восшествия на престол императора Цзячжэна.

На утреннем приеме чиновники кричали «Десять тысяч лет», а за кулисами обсуждали все, что угодно. Кто-то говорил, что Гэ Чуньхуэй сам напросился, кто-то — что можно было бы ограничиться ссылкой, чтобы преподать урок, а кто-то считал, что это все происки князя И.

Му Цинфэн поблагодарил за приглашение сесть, и маленький евнух подал ему чай.

Император Цзячжэн отпил чаю.

— Я казнил Гэ Чуньхуэя, теперь Ван Сыдао должен успокоиться, верно?

Ван Сыдао, пользуясь поддержкой вдовствующей императрицы, за последние годы расширил свое влияние быстрее, чем растут бамбуковые побеги. Старый лис хорошо прятал свой хвост, и даже зная о его замыслах, без доказательств ничего нельзя было сделать.

Сегодняшний утренний прием хоть немного облегчил душу.

Му Цинфэн немного помолчал.

— Ваше Величество, Ван Сыдао — человек с глубоким умом. Внешне он кажется отрешенным, но на самом деле он сформировал клику с многими при дворе. Его замыслы выходят за рамки простого захвата власти.

Император широко раскрыл глаза.

— Этот старый негодяй уже достиг вершины власти, чего же он еще хочет?

Му Цинфэн ответил:

— Я расследую это, Ваше Величество, будьте спокойны, просто будьте настороже. Как только появятся новости, я сразу же доложу.

Молодой император кивнул, на его лице появилась странная для его возраста усталость.

— Афэн, я доверяю только тебе.

Император Цзячжэн был ровесником Му Цинфэна, только родился на несколько месяцев позже. С момента учебы в Тайсюэ он называл его «Афэн», и до сих пор не изменил этому.

Услышав это, Му Цинфэн опустился на колени.

— Ваше доверие, Ваше Величество, я не смогу отплатить даже ценой своей жизни.

Император поспешно поднял его.

— Между мной и Афэном не нужно таких церемоний.

Они еще немного поговорили о делах, и Му Цинфэн попрощался.

Выйдя из дворца, он увидел, что Цзи Цин ждет у повозки. Увидев Му Цинфэна, он сразу же подошел.

— Что случилось?

Почему в последнее время так мало просмотров? Неужели стало неинтересно? Увы...

<http://bllate.org/book/16730/1538942>